

ЛИЧНОСТЬ В ПРАВЕ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Павлов Вадим Иванович

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
ведущий научный сотрудник Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Введение. Одной из ключевых проблем современной юридической науки является проблема человека. Антропологизация юридического дискурса, попытки выявить параметры человекомерности в праве представляют собой сегодня возможность преодолеть институционально ориентированные практики правового познания, которые пока являются господствующими в русскоязычной юридической науке. Есть основания утверждать, что изучение правового бытия, специфики пребывания человека в пространстве юридического, развертывания в нем личностного измерения по итогам 20-летнего опыта постсоветского правоправедения пока еще находится в начальной стадии. Советская же правовая традиция по известным причинам сводила человекомерность, личностность в праве к ее полной обусловленности социалистически правопорядком. Во второй половине XX столетия, однако, для Запада как оппонирующей советскому государству политической формации, через критическое интеллектуальное движение также стало понятным, что новоевропейская правовая традиция в вопросе личностного фундирования права начала испытывать серьезный кризис. Беря свое начало еще в XIX в. от прозрений Ф. Ницше, западноевропейская мысль 50-х-60-х гг. XX в. (в основном через движение левых) открывает реальную конфигурацию классической традиции в вопросе человека: классическая рациональность, несмотря на весьма насыщенную речь о гуманизме, на самом деле задала такой тип речи о личности в праве, в котором собственно как личность человек не обнаруживался. Антропологический кризис 60-х гг. XX в. на Западе, а за ним и интеллектуальное событие «антропологического поворота» привлекли исследователей к переосмыслению таких категорий, как «субъект», «человек», «личность». Постструктуралистская и постмодернистская де[кон]струкция несущего каркаса новоевропейской эпистемы, в которой тема субъекта играет ключевую роль, открыла возможности иного, постклассического видения человекомерности в праве. Постклассика в основном направила свои усилия на расширение границ и углубле-

ние понимания современной правовой реальности за счет переосмысления проблемы человека в праве. Основная задача таких изысканий заключалась и заключается по сей день в высвечивании тех мест, которые оказались в тени классической картины человека юридического как субъекта права. Одной из таких тем и является тема личности в праве.

Тема личности в праве для русскоязычной правовой науки является традиционной. Сегодня практически все учебники по общей теории права, конституции всех постсоветских республик описывают личностное измерение в праве в классических образцах. Личность рассматривается с гуманистических позиций: личность, ее права и свободы признаются в качестве высшей ценности общества и государства¹. Вместе с тем сегодня несложно заметить, что наличная правовая реальность указывает на определенные несоответствия классической модели фактическому положению вещей. Гуманистический пафос личностности в праве (прежде всего, с позиции провозглашения ее прав и свобод), декларация ее в качестве высшей ценности общества и государства в то же время в наличной правовой реальности сталкиваются с проблемой распада личности, «исчезновения» («смерти») человека, утратой им личностной идентичности и конституции, с феноменом соматических прав человека, в которых человек, собственно, утрачивает способность самоидентификации и этической определенности, которую еще И. Кант признавал за трансцендентальное условие субъекта. Явления глобального мира в свою очередь вносят сегодня свои аспекты в правовое бытие – право уже не столько предоставляет свободу человеку, не столько регулирует отношения в социуме, сколько становится инструментом принуждения к насильственному потреблению свободы, тем самым, само становится жертвой потребления, попадает в зависимость от антропологических техник общества потребления. Наконец, мы видим, что само ядро новоевропейской юридической доктрины – концепция прав человека – сегодня все чаще подвергается девальвации, политизируется, становится манипулятивным.

---

¹ Ср: «Если отнять у человека право на жизнь, свободу совести и убеждений, безопасность, развитие, уважение человеческого достоинства...и ряд других жизненно важных социальных прав, то человеческая личность просто исчезнет». См.: Рассолов М.М. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М.М. Рассолов, В.П. Малахов, А.А. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С. 393–394.

Эти и многие другие явления современной правовой реальности в отношении рассматриваемой темы дают основание проблематизировать личностное измерение в праве, поставить ряд принципиальных вопросов о личности в праве, а именно:

– какой функциональный смысл сегодня имеет присутствие личностного измерения в праве? Недостаточно ли наличия в правовом поле категорий индивида и субъекта права?

– как реально наличие личностного элемента в праве влияет на практику правового регулирования, как и каким способом реально используется ресурс личности в праве?

– и, пожалуй, самый главный вопрос: а что, по сути, представляет собой личность в праве и является ли она реальным выражением некоего особого, отличного от иных способов (главным образом, от субъектного способа), типа наличия человека в праве?

Эти три базовых вопрошания являются основой предстоящей работы.

1. Археология субъектности и личности в праве. Прежде всего, следует отметить, что концепт личность в пространстве юридического в том смысле, в котором он используется сегодня, сформировался в новоевропейской юридической дискурсивной формации. Отнесение того или иного концепта, который мы пытаемся разбирать, к дискурсивному пространству, в рамках которого он сформировался, является необходимой операцией понимания. Такая археологическая работа по экспликации лингво-смыслового поля, в контексте которого зарождался концепт, является обязательной, поскольку смешение эпистемических планов, в которых происходит формообразование, может привести к серьезным искажениям в последующей дескрипции (например, несмотря на некоторую общность, следует принципиально различать речь о личности в новоевропейском юридическом дискурсе, и в дискурсе русской философско-правовой мысли (ее религиозной ветви) конца XIX – начала XX вв. (В.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин и др.).

В Новое время методологической основой для утверждения личности, ее прав и свобод в качестве критерия правового была использована модель субъекта, ставшая эпистемологическим основанием западной мысли в период буржуазных революций, в период классицизма. Картезианская модель cogito-субъекта и модель

трансцендентально-этического субъекта Канта возвели рациональность и рационалистическую этику в наиболее значимую отправную точку любого знания и познания. Гуманизация (в ее специфическом смысле как культивирование модели человека *homo*) оказала воздействие и на право в том числе. Более того, по большей части через политико-юридическую доктрину шло практическое воплощение нового образа человекомерности как субъектности. В риторике гуманизма как специфической речи о человеке как высшей ценности общества и государства постулаты субъектной модели неявно были включены в личностную модель. Поэтому просвещенческий гуманизм в речи о личности всегда предполагает специфические и присущие именно новоевропейскому типу мышления характеристики. Каковы они?

Во-первых, отличительной особенностью видения человека в Новое время стало размещение его в дискурсе практического преобразования – человек должен владеть природой. Ф. Бэкон говорит: «пусть человеческий род только овладеет своим правом на природу, которое назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество; пользование же будет направляться верным рассудком и здоровой религией»². Человек Нового времени, поэтому, это человек активный, деятельный, практико ориентированный, и именно в этом значении он – личность. Как отмечает В.М. Розин, в Новое время «субъект конституируется в особой практике – познании, характерном для культуры Нового времени, познании, которое артикулируется и структурируется в плане оппозиции двух начал – человека и мира»³. Человек на базе своей разумности господствует над миром. Извлекая из собственной рациональной природы основу для самостоятельного автономного бытия, человек как личность становится универсумом («он ничем не детерминирован и не обусловлен извне»⁴) и познавательной машиной одновременно. Более того, под гуманистическим покровом личности такой человек выступает уже как «Я» – абсолютная самостоятельная и самоконституирующаяся сущность, т.е. в некотором смысле как бог, но, однако, по кальке субъекта, представляющего мир как объект.

В юридическом дискурсе преобразовательная функция личности утверждалась за счет идеи установления разумных начал социальной жизни на правовой основе. Именно право (как естественное право) фактически выступало законом при-

---

² Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1978. – С. 78.

³ Розин В.М. Личность и ее изучение. – М., 2004. – С. 123–124.

⁴ Там же. С. 124.

роды, выявив который (а в средневековом сознании это была прерогатива Божества) возможно установить идеальный порядок (как правопорядок). Уже не Бог и Церковь выступают онтологической скрепой правопорядка – сам человек здесь становится на их место.

Во-вторых, за этим следует еще одна существенная характеристика человекомерности Нового времени – превращение человека в субъект: создание предпосылок появления субъект-объектного (классического) типа познания приписывается Р. Декарту. Субъект [subiectum] «есть то, что в каком-то исключительном смысле заранее всегда уже пред-лежит, лежит в основе чего-то и таким образом служит ему основанием»⁵. М. Хайдеггер отмечает, что обнаружение такого основания в Новое время принципиально связано с освобождением (как переопределением существа свободы) от прежнего основания – библейско-христианской истины Откровения: на место христианского понимания свободы приходит такая «достоверность, в силу которой и внутри которой он [человек] сам удостоверяется в себе как в сущем, опирающемся таким путем на самого себя»⁶. Вместе с тем, отказавшись от христианского понимания истины, Декарт использует его в своей аргументации о человеке как «Я» cogito. Как отмечает Л.А. Микешина, «“Я” cogito Декарта укоренено в идее Бога, удостоверяющего возможность существования достоверного и истинного... Идея Бога [у Декарта] выполняет по существу функцию трансцендентального субъекта, непогрешимого и совершенного “сознания вообще”»⁷.

В праве субъект-объектная связка сказывается на представлении о разумном законодателе и его воле, а, главное, на нормативном введении человека в юридическое поле как субъекта в его *противо-по-ставлении* правовым объектам, прежде всего, иным субъектам права как объектам⁸. Такое *противо-по-ставление* субъекту права как разумной сущности – мира как объекта находит выражение в создании такого типа правовой связи субъекта с объектом, в которой их взаимодействие основывается на рациональной корреляции, заданной нормой. Поскольку же норма разумна по определению, поскольку она достаточна для правового порядка, постольку взаимодействие субъектов осуществляется только нормативно – через субъективные права

---

⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М., 1988. – С. 266.

⁶ Там же. С. 267.

⁷ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. – С. 136.

⁸ Здесь не идет речь об интересности.

и обязанности как точную меру поведения. Такое взаимодействие является классической моделью правового отношения, в котором мы и имеем классическую модель субъекта права как субъекта правоотношения. Таким образом, субъектно-объектная [субъектная] модель в праве, стабилизированная нормой в правоотношении, привела к исключению из поля юридических практик живую динамику межлических взаимодействий, хотя, конечно, сами нюансы последних всегда присутствовали в правовой реальности и, надо полагать, играли определенную роль в юридической практике. Однако при этом в самой юридической речи, в фундирующем классическом дискурсе оснований – в нормативности, эта живая связь отсутствовала.

Классическая модель правового отношения претендует на исчерпывающую характеристику межсубъектной правовой реальности. Следует иметь в виду, что такое оформление взаимосвязи субъектов – через правоотношение, глубоко в своей основе имеет идею священной воли законодателя и предполагает возможность достижения идеального правопорядка на основаниях разумности этой воли, уверенности новоевропейского сознания в естественности законов правового порядка как разумных законов природы и разумности самого человека как субъекта (Ш.-Л. Монтескье). И законодатель, и субъект права как объект правового воздействия, разумны по своей природе – следовательно, через задание правовой нормы, через правовое нормирование возможно абсолютно воздействовать, влиять на субъекты права, регулировать отношения между ними.

Человек в праве, таким образом, концептуализируется как субъект права – вся человечность как живая динамика отношений в праве, правовая экзистенция вмещается в субъектность и ничего избыточно человеческого в субъекте быть не должно – в этом нет необходимости. М. Фуко, рассматривая этот процесс как процесс формирования новоевропейской идеи создания идеального правового порядка, назвал его «рождением биополитики»⁹. Учеты, процедуры, классификации, регистрации и каталогизации, операционально распространяемые на систему отбора государственных служащих, исправление осужденных, лечение больных, сумасшедших и др., обеспечиваются нормой (установленной разумом) как достоверным критерием разумности, установленным субъектом – через норму задаются критерии истины, валидности субъектности, в субъекте человек нормируется, классифицируется, о-

---

⁹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году: Пер. с фр. А.В. Дьяков / М. Фуко. – СПб., 2010. – 448 с.

предел-яется. Именно за счет этого реальный человек, его правовое бытие оказывается репрессированным, скрытым разумностью и нормой: «субъектом оказывается ...не полнота человеческого существа, а cogito, наблюдающее, между прочим, и за человеком»¹⁰.

Таким образом, превратив человека в субъект и, казалось бы, осуществив гуманизацию познания и мира, парадоксально, но человек-субъект со временем потерял из вида не только мир как противоположащий ему объект, но и самого себя. Как это выразил М. Хайдеггер, «за новую свободу распоряжаться истиной-достоверностью субъект расплачивается тем, что, господствуя над мировым объектом, он беспомощен перед судьбой своей собственной субъективности... человек расширяется и вследствие расширения рассеивает, сплющивает и утрачивает свое существо»¹¹.

В новоевропейском юридическом дискурсе, таким образом, создается своего рода дуальная ситуация, ситуация двух параллельно сосуществующих дискурсов:

1) *дискурса человека, личности в праве* (концептуального, гуманистического дискурса), конфигурирующего речь о личности в праве в декларирование ее прав и свобод,

2) *дискурса субъекта права* (формально-юридического дискурса), отвечающего за фактическую, операциональную речь о субъекте права с позиции его субъективных прав и обязанностей.

Парадоксально, но не в концептуальной модели человека в праве (как личности в праве), не в операциональной модели человека в праве (как субъекта права) в качестве основных не обнаруживаются реально используемые в процессе правовой работы антропные свойства и характеристики. Именно это обстоятельство стало очевидным во второй половине XX в. на Западе, когда под вопрос был поставлен сам человек. Под покровом личности и субъектности, тотальной гуманизации человекомерности, человек в праве как таковой оказался задвинут за фасад права. Наша задача заключается в решении вопроса о том, а можно ли сегодня в свете антропологического кризиса попытаться помыслить личностное в праве иначе – так,

---

¹⁰ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. – С. 137.

¹¹ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М., 1988. – С. 306.

чтобы оно как раз раскрывало человекомерность в праве и реально давало возможность встроить эту человекомерность в процесс правового анализа?

Введение к новому пониманию личности в праве. Возможность создания иной конфигурации личности в праве неизбежно связана с *отказом от классической, новоевропейской модели личности в праве, точнее, – с ее деконструкцией*. Выявление скрытых классическим дискурсом личности правовых параметров, как мы уже говорили, должно происходить по линии выведения к наличию живых, динамичных, экзистенциальных свойств личности. Это значит, что новая модель личности в праве должна представлять собой новую модель правового сознания, иные механизмы объяснения правового поведения, иное понимание свободы и т.д.

В новоевропейском дискурсе, как мы сказали, условно образовались две модальности человекомерности в праве – личностная и субъектная, причем личностная обеспечивала концептуализацию, субъектная – фактическую правореализацию. Полагаем, что сегодня можно поставить под сомнение продуктивность существования концептуальной модальности как функционального устройства провозглашения личности, ее прав и свобод в качестве высшей ценности общества и государства. Если в эпоху буржуазных революций самоутверждение личностного начала, провозглашение прав и свобод личности служило закреплению достижений новой эпохи (прежде всего, прав и гарантий нового класса буржуазии), то сегодня реальная продуктивность декларирования прав и свобод все более понижается, о чем мы говорили во введении, а в ряде случаев становится контрпродуктивной. В качестве гипотезы можно даже предположить, что исходя из таких позиций *в праве достаточно лишь одного субъектного (операционального) измерения*: несмотря на провозглашение и примат личностного начала (как правило, на уровне Конституции), фактически конкретное наполнение меры личности всегда обнаруживается в субъекте права. Причем отслеживание момента воплощения концептуального в операциональном почти всегда является проблематичным. Иными словами, если говорить более радикально, – в классическом дискурсе личности реального личностного измерения в праве нет, равно как невозможно обнаружить его и в нормативном пространстве.

Заметим, однако, что при этом мы далеки от отрицания продуктивности самого гуманистического дискурса, защиты прав и свобод человека. Дело в другом: *гуманистический дискурс не должен и не может быть достоверным критерием правового как критерием прямого действия*, ибо ради т.н. «защиты прав и свобод» можно осуществлять совершенно противоположные, негуманные правовые действия и мы это сегодня нередко наблюдаем. Гуманистический дискурс должен обеспечивать, прежде всего, базовый уровень прав и свобод при конструировании конкретных отраслевых субъектных моделей, а как археконцептуализация, критерий истины правового он затруднителен, или, скажем больше – возможно даже опасен. В этом отношении более корректным было бы использовать категории «индивид», «человек», а не категорию «личность», смысловое поле которой оказывается избыточным по отношению к обеспечению базового уровня прав и свобод¹². Однако все вышесказанное имеет отношение к возможностям личности в классическом правовом представлении.

Постклассическая перспектива: энергийный образ человека в праве. Разработка сегодня нового, постклассического измерения личности в праве, на наш взгляд, наиболее продуктивна в рамках иного подхода – подхода, в котором наиболее максимально высвечиваются собственно предикаты антропного бытия в праве. Иначе можно сказать, что попытка переосмысления личности в праве наиболее целесообразна в рамках аутентичного антропологического подхода в праве. Аутентичная антропо- или персоно-логия права должна всегда основываться на реальном при-сут[ь]-ствии человека в праве, наличии и выявлении в правовом антропной сути. В противоположность классическому измерению человеческого в праве как гуманистически личностного/субъектно нормативного, *новая концепция личности в праве должна быть сопряжена с выявлением живого динамического образа человека в праве*. Основной вопрос заключается в том, каким образом осуществить выведение личности к правовому присутствию? В этом отношении теоретически можно использовать различные постклассические проекты субъективности.

Как мы уже отмечали, человек юридический всегда основывается на некоей антропной модели, присущей определенной дискурсивной формации, которая выдвигает эту модель в качестве идеальной. Повторимся еще раз: очень важно эксплици-

---

¹² Лазарев В.М. Сущность и юридическая природа прав человека: вопросы теории [Текст] : [препринт] / В. М. Лазарев ; МОУ «Волжский институт экономики, педагогики и права». – Волгоград, 2005. – С. 4.

ровать тип дискурса, обусловившего речь о человеке, иначе разговор о личности в праве, ее правах и свободах с равным успехом можно вести с совершенно противоположных позиций. Поэтому, мы должны хотя бы вкратце прояснить контуры используемой нами антропологической модели.

В нашем анализе мы используем антропологическую модель особого типа, основанную на неэссенциальной парадигме. В основе такого понимания человека лежит не принцип рации как разумной сущности, конституирующее основание субъекта, но *принцип энергийности*^{*}, означающий, что дескрипция антропологической

---

* Термин «энергия» (применительно к человеку – как человеческая энергия), которым мы будем постоянно пользоваться при описании человека, по смыслу соответствует православной мистико-аскетической традиции, взявшей понятие энергии у Аристотеля. Энергия есть актуализация потенций сущего, причем, как отмечает С.С. Хоружий, «именно – сам процесс, движение, деятельность актуализации, а не ее результат (актуализованность; осуществленность: энтелехия Аристотеля, не вошедшая в словарь патристики)» [см.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998. – С. 40.]. Согласно Иоанну Дамаскину, «все способности [человека], ...как познавательные, так и жизненные, так и естественные, также и искусственные, называются ἐνέργεια», «энергия есть естественная и первая вечно движущаяся сила разумной души» [см.: прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. – 3-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – С. 204]. Что характерно для несущностного, неэссенциального описания человека, так это то, что аскетика в результате опытного наблюдения за человеком дополнила, развила и уточнила концепт энергии – человек энергийный (но не как «человек рациональный» в смысле конституированный разумом как субстанциальной сущностью), прежде всего, стал рассматриваться как постоянно меняющаяся множественность, стихия дробности и изменчивости: «человек сложен, множествен уже в своем составе, а отсюда и в своих проявлениях: ему свойственны движения тела, души, ума. Больше того, в силу дробности и рассеянности здешнего бытия, он может вовлекаться сразу или почти сразу во многие и разные движения, бросать одни, начинать другие... Всякому движению сопутствует энергия (у Аристотеля эти категории близки иногда до синонимичности) и, соответственно, энергия также дробится и плюрализуется» [см.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998. – С. 40–41.].

Принцип энергийности, таким образом, дает новую, энергийную картину человека, что означает отказ от примата принципа сущности как фундированности человекомерности рациональностью как исключительной субстанцией. Однако, выдвигая на первый план антропологического анализа энергийность, бытие-действие, мы не утверждаем о неприложимости к человеку сущности (*греч. οὐσία*) как таковой, просто ее понимание и положение в этом случае оказывается иным. Главное же, что жизнь человека, его существование разворачивается и рассматривается под приматом не сущности (понятой в рационалистической традиции), а энергийности. Исходя из этого, можно говорить о энергийной проекции, энергийном образе человеческого существа: «все в целом множество энергий человека, непрерывно меняющееся, образует своего рода энергийную проекцию человеческого существа. Человек – [само]деятельный центр, энергии – разнонаправленные, разнородные, а также и взаимосвязанные, взаимодействующие выступления, “ростки деятельности” этого центра, в совокупности образующие подвижную систему, меняющуюся конфигурацию – проекцию человека в плане энергии, которую естественно называть *энергийным образом* человека» [см.: Там же.].

Еще одним важным следствием введения принципа энергийности является включение в сферу антропоанализа т.н. пред- или прото-актов – таких типов антропологических энергий, проявлений, которые намечаются лишь на уровне внутренних движений, помыслов, побуждений, подразумеваний и т.п., которые во многом формируют контекстуальные среды поведенческих актов. Такие типы проявлений как раз во многом и характеризуют не эссенциальную, а энергийную картину антропно-правовой реальности [Ср.: «Право существует как становящееся право, находящееся в постоянной динамике текстуально-информационного и *энергийно-поведенческого* взаимодействия» [курсив мой. – В.П.]] [Поляков, А.В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права / А.В. Поляков // Российский ежегодник теории права. №1. 2008 / Под ред. д-ра юрид наук А.В. Полякова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. – С. 19]. Разумеется, по своей природе эти антропологические проявления не подлежат нормативной фиксации, соответственно, в праве их артикуляция затруднительна, но в актуальной правовой действительности они создают контекстуальные пространства, в которых разворачиваются нормативно фиксируемые содержания. Прото-акты «выражают не столько акт как таковой или же некое развившееся движение, сколько почин, начаток, толчок, “росток” акта или движения. Вместе с тем, это все же актуальный, свершившийся почин и толчок: несколько более отделившись от завершенности, энтелехии, энергия остается четко отличной от чистой возможности, потенции» [См.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998. – С. 41]. Влияние прото-актов на формирование контекстуальных сред и введение данного типа энергий в антропоанализ соответствует тенденциям постклассической мысли, уделяющей контекстуализму серьезное внимание

реальности должна вестись в дискурсе энергии, бытия-действия. Человек это не некая предзаданная сущность (разумный, рациональный субъект), помещенная в плоскость и за-данная ею, а своего рода сплав человеческих энергий или, по-другому, совокупность антропологических проявлений, обнаруживающихся в конкретном хронотопе. Энергичность человека обеспечивается постклассическим концептом правовой субъективации.

Субъективация – это процесс становления субъекта, становящаяся субъективность. В отличие от классической концепции субъекта, которая разворачивается в эссенциальном дискурсе – дискурсе сущностей, и, следовательно, рассматривает субъект как изначально завершенную, состоявшуюся и конституированную субстанцию на базе сознания-мышления (*cogito ergo sum*), субъективация представляет собой «возможный модус интенсивного существования, субличностное событие, которому всегда недостает субъекта»¹³. В субъективации нет субъекта как окончательно завершенного образования, в ней есть лишь его непрерывное становление, экзистирование.

На базе субъективации можно выделить концепт *правовой субъективации*, который согласно смыслу юридической деятельности целесообразно увязать с еще одним постклассическим концептом – концептом практик¹⁴. В совокупности, таким образом, следует вести речь о *практиках правовой субъективации*, под которыми мы понимаем *определенные правоповеденческие паттерны самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается*. Базируясь на практиках правосубъективации, человек «размещается» в нормативном пространстве. По сути, это и есть реальный субъект права, которого условно можно именовать *правовым человеком*¹⁵.

Таким образом, новая антропная модель, контуры которой мы только что представили, может стать основой для иного понимания личности в праве.

[См.: Касавин, И.Т. Контекстуализм как методологическая программа / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2005. – №4. – С. 78–93].

¹³ Смирнов, А.Е. Проблема идентичности и субъективации в современном обществознании / А.Е. Смирнов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – №4. – С. 17.

¹⁴ См.: Волков В.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хахордин. – СПб., 2008. – 298 с.

¹⁵ См.: Павлов В.И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права : [монография] / В.И. Павлов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2011. – 328 с.

Главное в этой энергийно-правовой модели то, что она отказывается от декларирования некой предзаданной сущности человека (рацио как условие истины/нормы), и, в то же время, дает возможность обратить внимание на реальную фактичность динамики человеческих отношений.

Личность в энергийном устройении правового человека. Поскольку за основу концепции личности мы берем *энергийную модель человека в праве*^{*}, то и личность в рамках соответствующей антропной модели должна укладываться в основные параметры последней. Личность соответственно приведенной выше антропной модели должна, во-первых, соотносываться с принципом энергийности (как несущности), и, во-вторых, каким-то образом увязываться с концептом правовой субъективации.

Традиционная трактовка личностности в праве основывается на классическом подходе к личности. Чаще всего учебная, нередко и научная общетеоретическая литература принимает понятие личности как само собой разумеющееся без обращения к природе личностности в праве¹⁶ (хотя есть и исключения¹⁷). Личность уже дана праву – методологически сцепиваясь с понятием человека, она характеризует его «как субъекта социокультурной жизни, ...как носителя индивидуального начала (интересы, способности, устремления, самосознание и т.д.), самораскрывающегося в

---

* Энергийная модель или, точнее, энергийный способ фиксации человекомерности в праве, есть стратегия антропологического анализа, заключающаяся в использовании вышеописанного принципа энергийности (взамен принципа сущности) применительно к описанию человека как конфигурации его энергий, подвижной множественности его проявлений. Использование в правоведении такого понимания человека принципиально отличается от того варианта антропологии, который является подосновой классической концепции субъекта права. Поскольку в классическом варианте предполагалось, что субъект права вбирает в себя все возможные предикаты человеческого пребывания в правовом поле и этого, собственно, достаточно для эффективной юридической работы с таким образом представленным в праве человеком, новый подход вводит дополнительный этаж правовой субъектности, который, в сущности, возвращает юридическому дискурсу урезанный новоевропейской концептуализацией слой измерения человека в праве. Предположительно можно сказать, что энергийная модель человека в праве, или, энергийно-правовой дискурс работает со следующими модусами правовой субъектности, которые могут быть охарактеризованы как: 1) человек в праве; 2) правовой человек; 3) субъект права, где первый вбирает в себя два последующих. Человек в праве – это все возможные модусы бытия человека в пространстве юридического, которых мы усматриваем всего два – правовой человек и субъект права соответственно. Правовой человек как раз и составляет основоустройство энергийно-правового дискурса. Это энергийно-правовая картина правовой субъектности в актуальной юридически значимой ситуации. Субъект права – это «нормативный человек», т.е. модальность, заданная статутными и субъективными правами и обязанностями. Правовой человек призван надстроиться, дополнить нормативный слой правовой субъектности – в этом основная задача разворачивания энергийно-правового дискурса. Смысл же ее заключается в том, чтобы выявить реальное положение правовой субъектности в правовой реальности и через нее проследить взаимоотношение такого субъекта с институциональными образованиями, т.е. представить функционирование государственно-правовых институциональных структур с юридико-антропологической точки зрения.

¹⁶ См.: Матузов Н.И. Право и личность // Общая теория права. Курс лекций / Под общей редакцией профессора В. К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993 г. – С. 222–246; Лившиц Р.З. Права человека // Теория права. Учебник – М., 1994. – С. 151–169; Нерсесянц В.С. Правовое государство в постсоветской России // Общая теория права и государства: учебник для вузов. – М., 1999. – С. 329–354.

¹⁷ См.: Архипов С.И. Первичные и производные субъекты права // Российский юридический журнал. – 2003. – №4. – С. 47–53; Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – 896 с.

контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности»¹⁸. Энергичная модель человека задает несколько иной тип понимания личности в праве.

Вначале вспомним, что этимологически слово «личность» восходит к слову «лик», «лицо»¹⁹. Несмотря на то, что впервые это слово возникло в греческой трагедии (лицо – πρόσωπον²⁰ как маска актера), тем не менее, личностная онтология впервые возникает в начале нашей эры в восточном христианстве при формулировании догмата Святой Троицы²¹. Исходный смысл концепта «личность», как он сформировался в восточной патристике, означал не что иное, как ипостазирование бытия (бытие в христианстве впервые стало рассматриваться как личное, а, значит, личностно свободное бытие²²), которого человек достигает через энергичное (благодатное) восприятие той формы бытия, какова она есть у Троицаго Бога – Лица Святой Троицы: эта форма бытия есть общение как любовь (περιχώρησις).

Личностность человека, таким образом, мы предлагаем взять в этом исходном значении как, во-первых, личностно свободное бытие, и, во-вторых, несубстанциональное, энергичное, динамичное бытие, которое держится не на какой-либо предустановленной субстанциональности человека (рацио), а на открытости, общении с Другим, образе, от-раж[з]-ении лица некоего Другого. В такой модели личности на основании ее сопоставления с классической концепцией личности в праве уже можно указать на некие ее характерные признаки:

1) личность не является субстанцией (индивид, а не личность представляет биологическую единицу);

2) личность, следовательно, не может быть задана нормативно в силу энергичной формы ее бытия;

---

¹⁸ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – С. 369.

¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. члена-корр. АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Изд. 2-е; в 4-х т. – М.: Прогресс, 1986. Тома I–IV // Этимология и история слов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>. – Дата доступа: 18.12.2011.

²⁰ Интересно, что римский аналог греческого πρόσωπον слово persona, как отмечает И. Зизиулас, означает «роль, которую люди играют, вступая в социальное и юридическое взаимодействие, т.е. это субъект моральных или юридических отношений, который ни индивидуально, ни социально не соотносится с онтологическим измерением личности». См.: Зизиулас Иоанн (митр.) Личность и бытие // Бытие как общение: Очерки о личности и церкви / Предисл. Прот. Иоанна Мейендорфа; Пер. с англ. Д.М. Гзгзяна. – М., 2006. – С. 29.

²¹ Зизиулас Иоанн (митр.) Личность и бытие // Бытие как общение: Очерки о личности и церкви / Предисл. прот. Иоанна Мейендорфа; Пер. с англ. Д.М. Гзгзяна. – М., 2006. – С. 26.

²² Там же. С. 35.

3) личность в силу ее денормативности, следовательно, не может быть задана как некий точный критерий истины-достоверности бытия;

4) личность, опять же, в силу особой формы ее бытия, не может корениться в социальности, скорее социальность является принадлежностью личности (социальность складывается из нее (но не только));

5) человек по отношению к личностной форме бытия, следовательно, изначально неполон, неличностен, в некотором смысле ущербен;

6) ситуация неполноты человека является не данностью, а заданием по обретению личностной формы бытия;

7) обретение личного бытия, преодоление изначальной неполноты достигается энергичным со-бытием с Другим, которое обладает полнотой бытия.

Таким образом, *личность* в нашем понимании *есть не какое-либо сущностное свойство человека, а ипостазирование его бытия – выстраивание, про-из-ведение, вос-создание, трансформация индивида до некоего нового качества через общение с Другим, либо, иначе – динамичное у-держание об-раза Другого в себе*²³.

Сопоставление такого понимания личностности в праве с классическим дискурсом личности ясно демонстрирует различия между ними. Классика выводит личностное начало из природы самого человека. Всякий человек, равно субъект права, изначально разумен, а, значит, личностен в потенции, причем эта личностность рассматривается субстанциально как внутренняя положенность, данность ее субъекту. И именно правовая защита этой личностности является основой для конструирования субъектности в праве. В.М. Розин в связи с этим отмечает, что «кантианская личность в качестве необходимого условия социализации предполагает европейское право (на основе которого в дальнейшем развиваются собственно “права личности”)²⁴. Главное, что классический дискурс личности устанавливает личность как «нормальный и, подчеркнем, *массовый продукт культуры нового времени...* “массовая” личность движется по “рельсам”, заданным правом и другими культурными нормами...» [*курсив наш.* – В.П.]²⁵. Характерно замечание о том, что «именно отсут-

---

²³ Ср.: «смысл права не растворяется в сознании субъекта или во внешнем социальном мире, а раскрывается во взаимодействии (коммуникации) субъектов». См. : Максимов С. Дуальность права // Право Украины. – 2011. –№1. – С. 79.

²⁴ Розин В.М. Личность и ее изучение. – М., 2004. – С. 131.

²⁵ Там же.

ствие права в западном понимании тормозило становление массовой личности в России»²⁶.

Предлагаемая же нами концепция личности в праве, в отличие от классической, рассматривается как энергийный процесс, невыводимый лишь из природы самого человека, а заключающийся в личностном конституировании через со-бытие с Другим. Как отмечает И. Зизиулас, «личность нельзя понимать только как субстанциальный “экстаз”; в ней, безусловно, нужно видеть ипостасное бытие, конкретную, уникальную идентичность»²⁷. Это приводит нас к определенному выводу о том, что *личностность в праве проблематично использовать для обеспечения базового уровня правовой защиты человека в праве*, поскольку операционально (нормативно) это невозможно, а декларативно (концептуально) не безопасно с позиции правовой защиты. Не всякий личностен, но всякий индивидуален, всякий есть человек, поэтому мы поддерживаем позицию тех ученых, которые полагают использование личностного начала (в классическом понимании) в праве избыточным. Однако можно ли тогда вообще говорить о каком-либо потенциале рассмотрения личностности в праве, и если да, то в чем он заключается?

На наш взгляд, *модальность личностного правового бытия может и должна использоваться в праве лишь в качестве реально взятого опыта динамики живых правовых взаимодействий*. Такого рода опытом может быть не что иное, как фактический *опыт практик правовой субъективации*, их порождения, осуществления в правовой реальности. Это не значит, что практики правовой субъективации всегда личностны, т.е. направлены на личностное существование, – они могут представлять собой и определенную форму индивидуации. Однако *в дискурс личностного правового бытия включаются лишь те практики, которые отвечают за генерацию складывания личностно-бытийных типов правового поведения, основной характеристикой которых является свобода (в указанном нами выше личностном смысле)*. Фиксация же и различение опыта всех практик правовой субъективации как личностного/неличностного дает возможность определить подлинность/неподлинность правового бытия (и, соответственно, классически понимаемого правового поведения) с позиции идеальных целей права.

---

²⁶ Там же.

²⁷ Зизиулас Иоанн (митр.) Личность и бытие // Бытие как общение: Очерки о личности и церкви / Предисл. прот. Иоанна Мейендорфа; Пер. с англ. Д.М. Гзгзяна. – М., 2006. – С. 42.

Опыт правовой субъективации изначально динамичен по своей природе, поскольку формируется в правовой экзистенциальности субъекта права как практиках его фактического складывания. В этом смысле следует согласиться с С.И. Максимовым в том, что «право может быть представлено как проекция бытия самого человека»²⁸, в первую очередь личностного бытия. Личность не декларативна, она – экзистенциальна. Практики же правовой субъективации являются базой размещения реального субъекта права – повторимся, что, в сущности, это и есть реальный субъект права. Однако в связи с нашим утверждением правомерно возникает вопрос о том, а можно ли таким образом понимаемую личностность уложить, встроить в юридический дискурс как операциональную, практически приложимую модель, и, вместе с этим – оправданы ли попытки, притязания права ([о]порядка) на формирование личностности (ведь личностное начало в понимаемом нами смысле, несомненно, способствует праву)?

Прежде всего, следует сказать, что *личностность в праве является узловым моментом конституирования реального субъекта права*. Повторимся: личность в нашем понимании это не статичный достигнутый раз и навсегда уровень качества (социальной активности и т.д.), а тип субъективации в направлении личного, а, значит, свободного правобытия в правовой реальности, в основе которого лежит специфическое самообращение на себя, отношение с собой по поводу юридического. В отличие от гуманистической трактовки личностности, позволяющей под прикрытием последней как маски (πρόσωπον) осуществлять юридические спекуляции, личностность, понятая через субъективацию как свободное, а значит подлинное, конститутивное отношение с собой юридическим, обналичивает (указывает нам на) подлинный опыт правового бытия как со-бытия. В отношении со-бытия как бытия-с-Другим следует сказать, что в литературе используются различные интерпретации Другого, в зависимости от чего обосновывается и соответствующая модель личности. Оставляя этот вопрос для отдельного рассмотрения, здесь лишь укажем на то, что понимание личностности через существование, через практики правовой субъективации исключает опознание Другого как социального (в классическом понимании): парадоксально, но именно дистанцируясь от классического примата социальной обусловленности личности (социальность в ином аспекте нами, однако, не от-

---

²⁸ Максимов С. Дуальность права // Право Украины. – 2011. – №1. – С. 80.

рицается²⁹), только и возможно получить личность в праве как подлинный критерий антропологичности права и его социальности.

Заключение. Вопрос о возможности включения в юридический дискурс предложенной концепции личности в качестве операционального инструмента, на наш взгляд, подлежит положительному решению. Операционализация изложенной концепции личности в праве, как это ни парадоксально, однако представляется возможной через возвращение к концептуальному дискурсу личности как начал начал, но уже не гуманистического, а энергично-антропологического свойства. Именно в этом смысле можно использовать личность как подлинную антрополого-правовую речь для правовой концептуализации нового типа – специальной деятельности по выведению правовых принципов, ценностей, формулированию начал законодательства и т.д. Концептуализация является здесь в некотором смысле экзистенциальной речью – она не выводится из априорных принципов, а берется из практик правового существования. Сначала законодатель при конструировании правил, затем правоприменитель в процессе реализации норм должны ориентироваться как на идеальный критерий на такие субъектные модели, которые размещены на таком образом понимаемой личности – на правовой субъективации. Для этого, соответственно, необходимо переосмыслить стратегии правотворческой и правоприменительной деятельности, в частности, посредством включения в них техник выявления и фиксации социальных ожиданий не только с позиции правового поведения, но и с позиции практик правовой субъективации как прозрачных матриц складывания субъектов. Это, в свою очередь, потребует выработать умение осуществлять дескрипцию социального поля как поля господствующих, конкурирующих антропологических практик, что уже само по себе предполагает междисциплинаризацию познания. Вместе с тем такая работа позволит исключить декларативное понимание и использование личностных начал в праве, даст возможность реального прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов с позиции предоставления/ограничения прав и свобод субъектов права, будет способствовать включению цивилизационно-культурной специфики в интерпретацию международно-правовой гуманистической концепции личности (защиты ее прав и свобод) в ее приложении к национальной правовой системе. Наконец, в целом это будет содей-

---

²⁹ См. Керимов Т.Х. Неразрешимости / Т.Х. Керимов. – М., 2007. – С. 21.

ствовать антропологизации права. Детальная разработка методологического аппарата и практических моделей операционализации предложенной концепции личности являются делом дальнейших исследований.